

М. ХАЙДЕГГЕР

ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ АРИСТОТЕЛЯ
(ЭКСПОЗИЦИЯ ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ)*

СПб.: ИЦ Гуманитарная Академия, 2012

Весной этого года в свет вышел перевод ранней и малоизвестной в отечественной науке работы М. Хайдеггера «Феноменологические интерпретации Аристотеля. (Экспозиция герменевтической ситуации)», рукопись которой долгое время считалась утраченной, однако впоследствии была найдена, отредактирована и впервые опубликована в 1989 г. Перевод выполнен Н. А. Артеменко и уже снискал отклик в научном мире. Перевод сопровождается небольшим предисловием, описывающим историю создания данного текста, а также отдельно изданной статьей Н. А. Артеменко, посвященной его анализу.

Не вдаваясь ни в разбор стилистических особенностей данных работ, ни, тем более, в их пересказ, надобности в котором нет, поскольку работы уже изданы, мы бы хотели остановиться лишь на двух моментах, имеющих отношение к теме нашего повествования. Наше внимание привлечено к этим обстоятельствам не абстрактно, но в связи с конкретной реакцией в научном сообществе. Приступим к изложению этих обстоятельств.

В начале июня 2012 г. в МГУ состоялась конференция, посвященная М. Хайдеггеру, одним из организаторов которой выступила Н. А. Артеменко, представившая на ней свой перевод. Работу конференции завершил круглый стол по проблемам переводческой практики, в котором

---

* *Хайдеггер М.* Феноменологические интерпретации Аристотеля (Экспозиция герменевтической ситуации) / пер. с нем., предисл., науч. ред., сост. слов. Н. А. Артеменко. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2012.

Артеменко Н. А. Хайдеггеровская «потерянная» рукопись: на пути к «Бытию и времени». СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2012.

принимали участие как переводчица обсуждаемого текста, так и Е. В. Борисов, выполняющий новый перевод «Бытия и времени».

Однако в то же время в рамках данного круглого стола была озвучена весьма радикальная мысль: мысль о принципиальной невозможности перевода. И эта мысль является не просто поверхностным осуждением, не только признанием определенной проблемы, связанной с переводом столь сложных и столь плотно завязанных на особенностях немецкого языка текстов, как текст М. Хайдеггера, но представляет собой весьма серьезное и веское заявление, вытекающее из самой сути хайдеггеровского подхода к языку.

Действительно, если язык есть место, где свершается истина человеческого бытия, если философствование Хайдеггера исходит из обращения к корням, к древним смыслам, к этимологии, к звучанию, к поэзии языка — как возможен его адекватный перевод на другой язык? Так же можно спросить, расширяя ситуацию: как возможен перевод поэтического текста? А если поэзия лежит в основе всего языка — то и любого текста в принципе? Как возможен перевод и зачем он нужен?

Самое простое соображение относительно необходимости перевода находится на поверхности и, возможно, именно в силу этого не затрагивает сути проблемы. Перевод нужен для того, чтобы позволить ознакомиться с текстом тем, кто не знает оригинального языка. И против этого соображения можно выступить исходя из следующей позиции: адекватный перевод невозможен, а потому следует читать тексты в оригинале или не читать вовсе.

Однако данное возражение затрагивает только одну сторону переводческой практики: сторону «смысловую». Перевод нацелен на передачу мысли так, как если бы эта мысль была способна существовать вне языка, на котором высказана. И именно эту мысль переводчик стремится кое-как, пусть неровно и неадекватно, донести до читателя. Так, вероятно, производится множество средних переводов, особенно если речь идет о стихах. Уничтожая звучание, они пытаются воспроизвести логическую структуру текста, сделав его смысл доступным для незнающих оригинального языка. Фактически, здесь переводы действительно дают возможность «ознакомиться». Их можно было бы уподобить ссылке или словарной статье, указателю на текст, дающему о нем первое представление.

Однако проблема осложняется тем, что текст сам по себе уже всегда есть отчасти указатель на мысль, и если мы воспринимаем его как указатель, то нам не поможет чтение в оригинале: процедура чтения сама есть

процедура перевода с языка одного сознания на язык другого, а текст представляет собой одновременно и помощь и помеху на этом пути. Помеху, поскольку он есть только система знаков, чтение же — сложный процесс интерпретации, часто нарушающий изначальный замысел или искажающий его. В этом смысле не только перевод, но и само чтение оказывается невозможным.

Эта проблема — проблема возможности перевода — оказалась одной из центральных для философской мысли последнего столетия, осознавшей значимость языка как носителя смысла и первичность его структуры по отношению к смыслу. Еще в начале XX в. Б. Кроче высказывался по проблеме возможности перевода, утверждая, что любой перевод есть творческий акт, как и любое прочтение значимо только в качестве совершаемой деятельности. Перевод — это всегда новый текст, и кроме ценности указателя он имеет и самооценность, также как, по Кроче, любая интуиция смысла существует только в виде ее выражения. Перевод — это еще и отклик, это всегда нечто вроде ответа, диалога с автором. По Кроче, лучшим откликом на стихотворение будет написание нового стихотворения. Самостоятельного и независимого, даже если оно является переводом. Словом, переходя от смыслового уровня к иному, глубинному, задействованному Хайдеггером, мы могли бы сказать: перевод ценен не тем, что он указывает на смысл, но тем, что он действует внутри языка, на который делается. Он развивает язык. Развивает его в диалоге с другим языком. Выстраивая мосты и находя переключки с другим языком, он не достигает точности, но обогащается. Не пытаясь понять и высказать другое, незнакомое, на своем языке, мы всегда будем оставаться на месте в одном и том же ограниченном состоянии, а язык не будет развиваться. Хороший перевод не только обогащает смысловое поле читающего, но развивает и совершенствует языковое пространство. Уже через осознание невозможности полной адекватности он обнаруживает границы языка, совершает критический акт в его отношении. Он, пользуясь терминологией текста, о переводе которого идет речь, пытается избежать «падения» в фактичность и совершить акт «подвижности». Перевод является собой — если не преследует намеренно ограничивающей цели быть только указателем — акт философствования, совершающийся в языке.

В этом смысле отечественную традицию до сих пор можно назвать в языковом отношении достаточно скудной. Возможно, проблемой русской философии и является то, что она избегает развития своего языка в диалоге с другими языковыми традициями. Она словно бы претенду-

ет на то, чтобы сразу стать абсолютно независимой. Но статья таковой можно лишь откликаясь, переводя. Стоит отметить тот факт, что у нас существуют «канонические» переводы ряда основополагающих философских текстов — далеко не в должном количестве — которые не оспариваются. Между тем мировая философская мысль оперирует большим количеством переводов, при, несмотря на это, весьма настоятельном требовании знания оригинала. Зачем нужны эти переводы? Они развивают язык и создают философскую традицию, создают терминологию и общее научное пространство. Перевод — это способ мышления в языке.

И это с полным правом можно сказать об обсуждаемом переводе. Его достоинство состоит в том, что он не просто указывает на значение хайдеггеровского текста, но совершенствует терминологический аппарат русского философского языка. В этом смысле к нему нельзя предъявить требование соответствия принятым терминологическим стандартам. Он, напротив, делает их подвижными. Словом, данный перевод не только переводит Хайдеггера, но также совершает ту работу с языком, о которой как о существенной задаче философии говорил сам Хайдеггер. И совершая ее, является одним из тех шагов, которые способствуют становлению отечественной философской академической традиции.

Тот же ход мысли можно применить и к сопровождающей перевод работе Н. А. Артеменко, в одном из откликов на которую прозвучала как бы немного разочарованная мысль: Хайдеггер написал комментарий к Аристотелю, Артеменко — комментарий к комментарию Хайдеггера, теперь же можно написать комментарий к комментарию к комментарию, и т. д. «Разочарованность», присутствующая здесь, кажется основанной на предположении, что по крайней мере где-то существует собственный, не комментаторский текст. Возможно, таковым является текст Аристотеля, а все остальное — лишь удаление от изначального смысла. Можно вспомнить А. Уайтхеда, говорившего, что вся западная философия — лишь ряд примечаний к Платону, однако можно также вспомнить и Ж. Деррида, полагавшего, что любой текст есть комментарий, поскольку он возникает как отклик на другой текст. Акт философствования всегда откликается другому акту философствования. И здесь нет удаления от истины, но скорее ее развитие, становление. По сути, Хайдеггер сам в своем тексте уже осознает комментарий как становление, шаг к подлинному, и отказывается от простого поясняющего комментирования. Но текст, о котором идет речь, т. е. сопровождающая хайдеггеровский комментарий к Аристотелю работа, не является в собственном смысле

комментарием и не задумывалась как таковой. Не является буквально: она его не разъясняет, не пересказывает, не поясняет «сложные» фрагменты. Кроме того, комментарий в данном случае был бы неуместен, поскольку Хайдеггер запретил издавать свои работы с комментариями. Ведь действительно, что может лучше разъяснить текст, чем сам этот текст? Настолько же, насколько можно сказать, что все тексты являются комментариями, настолько же можно сказать и то, что комментарий в собственном смысле, также как и точный перевод, невозможен, поскольку нет возможности адекватно воспроизвести смысл текста другими словами, «пояснить».

Однако это все же не значит, что мы можем остановиться на самом тексте. Уже читая, мы комментируем его, поскольку пытаемся включить в свой язык, контекст, опыт, разъяснить его для себя. Нет смысла, и даже не столько смысла, сколько возможности, пытаться докопаться до того, что автор имел в виду изначально. Герменевтическая процедура основывается на том, что смысл развивается, и достигаемое понимание превышает собственный смысл автора. Герменевтическая процедура задействует время, она включает текст в историю. Это то, что делает Хайдеггер с Аристотелем: он включает его в историю европейской метафизики и на основе этого включения производит ее деструкцию, возвращаясь к «изначальному» смыслу Аристотеля, который может осуществиться только теперь, по прошествии длительного времени. То есть изначальный смысл аристотелевского текста возникает не в прошлом, а в будущем в связи с развитием долгой истории мышления, отталкивающейся от Аристотеля.

Как говорит переводчица, «задача любого философского исследования по Хайдеггеру — раскрыть то, что в истории философии возникало в качестве скрытых возможностей, определяющих направление дальнейшего развития».¹ Эту же задачу ставит перед собой работа, сопровождающая перевод. Она нацелена не на разбор терминологии или идей текста, хотя присутствует и этот план. Но присутствует он в той мере, в которой позволяет показать развитие терминологии и идей в истории становления хайдеггеровской философии. «Изначальный» смысл хайдеггеровского текста раскрывается в контексте его нахождения на пути к «Бытию и времени». И проделанная Н. А. Артеменко работа нужна затем, чтобы

---

¹ *Артеменко Н.А.* Хайдеггеровская «потерянная» рукопись: на пути к «Бытию и времени». СПб., 2012. С. 9.

включить этот сложный ранний текст с еще не оформившейся терминологией в некую большую историю, не оставить его в пустоте, придать ему жизнь через включение в общую линию развития хайдеггеровской мысли, оказавшей существенное влияние на философскую мысль всей второй половины XX в. и продолжающей оказывать его вплоть до нынешнего момента и вплоть до самых радикальных течений, которые не могут быть поняты без учета этого влияния и его истории. Суть работы состоит в том же, в чем, по утверждению переводчицы, состоит и суть работы Хайдеггера: «в осмыслении современного состояния философской мысли и будущего философии».²

Светлана Никонова

---

² Там же.